

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-2/125-132>

Репрезентация информационного содержания концепта «тайга» в повести С.М. Салинского «Птицы возвращаются в сны»

Анастасия Игоревна Красковская¹, Ксения Сергеевна Аксенова²

Научный руководитель: **Наталья Сергеевна Милянчук³**

^{1,2,3} Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

¹ Бакалавр, kraskovskaya.ai@dvfu.ru

² Бакалавр, aksenova.ks@dvfu.ru

³ Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы,
milyanchuk.ns@dvfu.ru

Аннотация. В статье рассматривается языковая репрезентация информационного содержания концепта «тайга» в повести С.М. Салинского «Птицы возвращаются в сны». Выявляется семантическая структура концепта, включающая такие компоненты, как «животный мир тайги», «человек в тайге», «растительный мир тайги», «водные объекты», «горные объекты», «духи и мифологические обитатели тайги». Анализируются типичные языковые средства реализации выявленных компонентов. Отмечается региональная специфика представления концепта «тайга» в дальневосточном тексте.

Ключевые слова: концепт «тайга», информационная составляющая концепта, дальневосточная литература, художественная картина мира, С.М. Салинский

Для цитирования: Красковская А.И., Аксенова К.С. Репрезентация информационного содержания концепта «тайга» в повести С.М. Салинского «Птицы возвращаются в сны» / науч. рук. Н.С. Милянчук // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 2. С. 125–132.

Original article

Information Content Representation of the Concept TAIGA in the Novel by S.M. Salinsky “Birds Return to Dreams”

Anastasia I. Kraskovskaya¹, Ksenia S. Aksenova²

Scientific supervisor: **Natalia S. Milyanchuk³**

^{1,2,3} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹ Bachelor, kraskovskaya.ai@dvfu.ru

² Bachelor, aksenova.ks@dvfu.ru

³ Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department
of the Russian Language and Literature, milyanchuk.ns@dvfu.ru

Abstract. The article examines the linguistic representation of the information content of the concept TAIGA in the novel by S.M. Salinsky “Birds return to dreams”. The semantic structure is revealed, which includes such components as “the animal world of the taiga”, “man in the taiga”, “the flora of the taiga”, “water bodies”, “mountain objects”, “spirits and mythological inhabitants of the taiga”. The typical linguistic means of identified components’ representation are analyzed. The regional specificity of the concept TAIGA representation in the Far Eastern text is noted.

Key words: concept TAIGA, information component of the concept, Far Eastern literature, artistic picture of the world, S.M. Salinsky

For citation: Kraskovskaya A.I., Aksenova K.S. Information Content Representation of the Concept TAIGA in the Novel by S.M. Salinsky “Birds Return to Dreams”/ sci. adv. N.S. Milyanchuk. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 125–132. (In Russ.).

Станислав Мария Салинский – польский писатель, журналист. Он родился в селе Новокиевское (ныне Краскино), прожил в Приморье до 19 лет, а в 1921 году вместе со своей семьёй был вынужден вернуться на историческую родину – в Польшу. Там он стал известным писателем-маринистом, но в его литературном наследии особое место занимают книги, посвящённые краю, где он родился и вырос. Одна из этих книг – «повесть-сон», «повесть-явь» (такое жанровое определение дал ей сам автор) «Птицы возвращаются в сны».

В книге Салинского о Приморье художественное воплощение получили мотивы и концепты, связанные с Дальним Востоком. Предметом нашего исследования является информационный уровень содержания концепта «тайга», представленного в повести С.М. Салинского «Птицы возвращаются в сны».

Согласно утверждению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, информационное содержание концепта включает минимум когнитивных признаков, определяющих основные, наиболее важные отличительные черты концептуализируемого предмета или явления [4, с. 34]. В лингвоконцептологии информационное содержание концепта принято выявлять за счёт дефиниционного анализа – анализа словарных дефиниций имени концепта, в нашем случае это лексема *тайга*.

В словаре В.И. Даля *тайга* трактуется как «обширные, сплошные леса, непроходимая, исконная глушь, где нет никакого жилья на огромном просторе, кое-где зимовка лесоповальщиков, или кущника, поселяемого нарочно для приюта проезжих» [2, с. 711]. Как видим, в толковании В.И. Даля значимыми являются следующие семантические компоненты: 1) лес; 2) большая территория; 3) дикая, без признаков цивилизации; 4) недоступная для человека.

Словарь Д.Н. Ушакова трактует *тайгу* как «дикий и мало проходимый, преимущественно хвойный лес, тянущийся широкой полосой на севере Европы и Азии до Охотского моря» [8, с. 636]. Д.Н. Ушаков дополняет содержание данного понятия такими семантическими компонентами, как 5) тип леса – преимущественно хвойный; 6) ареал распространения – северная часть европейской и азиатской территории России.

В словаре С.И. Ожегова лексема *тайга* толкуется так: «На севере Европы, Азии и Северной Америки: дикий лес» [3, с. 228]. Таким образом, С.И. Ожегов, с одной стороны, не выделяет отдельно семантический признак «недоступность, непроходимость», а с другой стороны, уточняет признак «ареал распространения» – в его трактовке тайга встречается не только на севере Европы и Азии, но и в Северной Америке.

В Малом академическом словаре приводится следующее толкование: «Полоса диких труднопроходимых хвойных лесов на севере Европы, Азии и Америки» [7, с. 331]. В данном случае новые компоненты не выделяются, а также не учитывается признак «обширность территории».

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова дается следующая дефиниция лексемы *тайга*: «полоса диких труднопроходимых хвойных лесов, занимающая громадное пространство на севере Европы, Азии и Северной Америки» [1, с. 1302]. Это толкование включает все выделенные в ранее изданных словарях семантические компоненты, при этом интенсифицируется признак «обширность территории».

В целом дефиниционный анализ показал, что план содержания лексемы *тайга* имеет следующую структуру:

- 1) «лес» – это ядерный компонент;
- 2) другие значимые компоненты:
 - «дикий»,
 - «труднопроходимый»,
 - «хвойный»,
 - «занимающий обширные территории»,
 - «на севере Европы, Азии и Северной Америки».

Опираясь на дефиниционный анализ имени концепта, можно предположить, что данные семантические компоненты составляют стереотипное информационное содержание концепта «тайга».

Анализ нашего материала показал, что из представленных в словарях семантических компонентов в повести Салинского актуализируются следующие:

1) 3 фрагмента, в которых реализуется стереотипный признак «лес как множество деревьев»:

Тебе хорошо и немного страшно, поскольку в сотне метров от озера начинается кедровая тайга: стройные кедры, устремленные в небо, стоят стеной, и оттуда всегда тянет мраком и дремучей тишиной [6, с. 41];

Власть его далеко не простиралась: всего на несколько десятков километров в глубь континента – до богатых углем и рудой Шкотово и Тетюхе, а также до богатых лесов этого региона [6, с. 177];

Скот разбежался по лесным дебрям, его страшили многочисленные переходы вброд через частые горные речки и потоки [6, с. 241];

2) 2 фрагмента, в которых реализуется стереотипный признак «дикий»:

Память, к примеру, удержала образ Арсеньева таким, каким, по ее представлениям, положено быть первооткрывателю – большим, мощным и громким. Будто он само воплощение Уссурийской тайги, которую путешественник усмирил своими походами [6, с. 18];

Отец ответил как-то неопределенно и без особого желания продолжать тему: дескать, была такая прекрасная, теплая ночь, и мы решили вкусить прелестей настоящего первопроходческого ночлега в диком лесу [6, с. 287];

3) 4 фрагмента, в которых реализуется стереотипный признак «труднопроходимый»:

Напрямую до Владивостока было около двухсот километров, но эти километры предстояло проделать по непроходимой тайге, через дикие долины и по берегам таких же диких рек [6, с. 240];

Скот разбежался **по лесным дебрям**, его страшили многочисленные переходы вброд через частые горные речки и потоки [6, с. 241].

Согласно словарю С.И. Ожегова, *дебри* – «места, заросшие густым непроходимым лесом // Глухая малодоступная местность; глушь» [3, с. 536].

Когда серебряная птица приносит эту ночь в мой сон, как это уже не однажды бывало, то это значит, что я вижу красное зарево в небе на западе, **темную стену тайги**, ртутное стекло морского простора, фанзы, к которым мы приближаемся [6, с. 283–284] – в этом примере данная семантика выражается с помощью метафоры «плотный, непроницаемый массив»;

4) 2 фрагмента, в которых реализуется стереотипный признак «хвойный»:

Один из жителей той земли мазовецкой, еще будучи школьником, прочел книги Бенедикта Дыбовского про уссурийского тигра, а двадцать лет спустя уже сам охотился на уссурийского тигра в **кедровой тайге** на Янчихе [6, с. 151];

Звук смерил **пихту** глазом: чтобы забраться на верхушку такого дерева, понадобился бы, пожалуй, целый день, но нужно иметь при себе целый набор колышков, крючков и веревок, чтобы подтягиваться шаг за шагом все выше и выше [6, с. 270];

5) 2 фрагмента, в которых реализуется стереотипный признак «занимающий обширные территории»:

Косвенно об **обширных тамошних лесах** свидетельствуют неоднократные упоминания о постоянно встречающихся лесопилках и буксирах с баржами, загруженными лесом и пиломатериалами [6, с. 302];

Буксир из Владивостока шел только до Поспелова, а до Подножья нужно было идти пешком по прямой через **горы-леса** [6, с. 123].

В данном примере значение обширности территории выражается грамматически – с помощью формы множественного числа, которая в данном случае, согласно «Русской грамматике-80», «отражает не числовое противопоставление, а соотношения по массе, объему» [5, с. 471], например: *вода* (в реке, в колодце) – *воды* (водные пространства, потоки воды), *песок* – *пески*, *снег* – *снега*, а в нашем примере это противопоставление *лес* (участок земли, поросший деревьями) – *лесá* (большая территория, поросшая деревьями, а не множество таких участков) [5, с. 471].

В одном и том же фрагменте, репрезентирующем концепт «тайга», может одновременно реализоваться несколько семантических компонентов, представляющих стереотипное информационное содержание этого концепта.

Вместе с тем в повести Салинского находит воплощение более широкое представление о тайге в собственно информативном плане. В ходе анализа нами были выявлены следующие дополнительные содержательные компоненты:

6) 8 фрагментов, в которых реализуется когнитивный признак «животный мир тайги». У Салинского тайга – это не просто лес, а лес, наполненный жизнью, многочисленными обитателями. В первую очередь это животные:

«Вот будешь лазать на тот берег, выскочит когда-нибудь из тайги **барс** или **тигр** и разорвет тебя» [6, с. 41];

Поручик Василий Логайда подарил бесценную вещь: небольшой кисет из **оленьей** кожи, а в нем – тот самый таежный табак, который он называл арсеньевским [6, с. 184].

Разнообразие животного мира тайги, её «густонаселённость» выражается не только разнообразием лексики, но и использованием грамматической конструкции «ряд»:

*Леса в это время пустыли: от наркотической духоты ландышей **маралы, изюбры, соболи, дикие козы и барсы** убежали к морю [6, с. 124].*

Тайгу населяют не только звери, но и птицы:

*Неподалеку шумели водопады. В гуще ветвей **копошились и щебетали птицы**... [6, с. 281].*

Особенно необычно, что в тайге Салинского обитают морские птицы:

*Все стало другим, только из тайги все так же тянуло тем же самым холодком, запахом трав и чем-то таинственным, а высоко в небе парили **бакланы и альбатросы** [6, с. 178–179].*

К животному миру тайги относятся и насекомые:

*Помню, как мама вскрикнула на пороге, а Арсеньев, совершенно невидимый в дыму, смеялся во весь голос и громко успокаивал ее. Этой черной свечой он в тайге отгоняет от себя **комаров** [6, с. 162].*

*На эти лепестки садились когда-то уссурийские **пчелы**; эти **дикие пчелы** из уссурийской тайги жужжат сильнее и звонче, чем польские в домашнем пчельнике [6, с. 202].*

Самка уссурийского жука откладывает яйца в трухлявые деревья, и требуется целых четыре года, чтобы личинка, вылупившаяся из яиц, превратилась во взрослого жука [6, с. 167].

Примеры с описанием насекомых свидетельствуют о том, как пристально рассматривает герой Салинского жизнь тайги, как он внимателен к деталям, подробностям, тонкостям;

7) 8 фрагментов, в которых реализуется когнитивный признак «человек в тайге»: хотя в стереотипном представлении тайга – место дикое, необитаемое, в текстах Салинского обязательным обитателем тайги является человек, но не простой, а особенный – таёжный человек, охотник:

Как-то раз отец вместе со своим товарищем-охотником (быть может, это был Арсеньев?) взял меня с собой в недалекий путь [6, с. 73].

Человека может быть не видно, но видны следы его пребывания:

*<...> я вижу красное зарево в небе на западе, темную стену тайги, ртутное стекло морского простора, **фанзы**, к которым мы приближаемся [6, с. 283–284];*

*Отец при мне подробно рассказывал маме о нашем походе и о том, что в последнюю ночь мы ночевали **биваком** в лесу [6, с. 287];*

*<...> была такая прекрасная, теплая ночь, и мы решили вкушать прелестей настоящего первопроходческого **ночлега** в диком лесу [6, с. 287];*

*Целые **банды хунхузов, орудовавших в тайге**, охотились на добытчиков золота [6, с. 280].*

Кроме того, тайга хранит следы пребывания древнего человека:

*На вершине одной из сопок с выкорчеванным вокруг лесом стоял высокий **трехгранный столб** с какими-то знаками на каждой из трех граней [6, с. 73].*

Ещё одну группу составляют примеры, отражающие покорение человеком тайги, конфликт между природой и цивилизацией:

Через широкую лесную просеку они неслись к поселку [6, с. 243];

*Казаки вели за собою пленных, застигнутых за намывом золота, **в тайге оставались трупы** – пиришество для лесных хищников [6, с. 280];*

8) 7 фрагментов, в которых реализуется когнитивный признак «растительный мир тайги» – этот компонент содержания оказался гораздо более богатым, чем в стереотипном представлении. Во-первых, тайга Салинского и в целом уссурийская тайга – это не только хвойные, но и лиственные деревья:

<...> массивные кедры, вросшие в скалы из кварцевого порфирита и порфира, могучие дубы, пихты, гигантские сосны [6, с. 124];

Подобно нациям и народам, в этом прекрасном краю также было перемешано все: здесь соседствовали тропическая мимоза и северная карликовая береза <...> [6, с. 124].

Во-вторых, тайга Салинского наполнена разнообразными цветами:

Леса в это время пустыли: от наркотической духоты ландышей маралы, изюбры, соболи, дикие козы и барсы убежали к морю [6, с. 124];

Этот очень редкий цветок, тоже реликтовый, так называемая лилия Комарова, встречался и в нашей околице [6, с. 171];

Около источника росли небольшие кустики с очень красивыми цветками, но, когда их срывали, они вяли прямо на глазах – розовые цветки, похожие на розочки, сразу же превращались в гнилой сор [6, с. 247].

В-третьих, к растительному миру тайги у Салинского принадлежит табак, во всяком случае он прочно ассоциируется с тайгой:

Со времени их совместных с Арсеньевым походов он курит только такой табак... Такой знакомый таежный запах! [6, с. 168];

К табаку примешан какой-то травяной сбор. Он добыт в тайге его спутником – Дерсу. Дым крепок, едок, полезен и ароматен [6, с. 20].

Но тайга Салинского – это не только лес с растениями и животными. Особое место в ней занимают:

9) 3 фрагмента, в которых реализуется когнитивный признак «водные объекты» – водоемы, которые обеспечивают жизнь тайги. В тексте упоминание водных объектов создаёт масштаб изображения и эффект обширного пространства:

Напрямую до Владивостока было около двухсот километров, но эти километры предстояло проделать по непроходимой тайге, через дикие долины и по берегам таких же диких рек [6, с. 240];

Скот разбегался по лесным дебрям, его страшили многочисленные переходы вброд через частые горные речки и потоки [6, с. 241];

Неподалеку шумели водопады [6, с. 281];

10) 3 фрагмента, в которых реализуется когнитивный признак «горные объекты» – неотъемлемый атрибут пространства тайги Салинского. Описание перемещения по ним подчеркивает труднопроходимость тайги:

В одном месте, чтобы сократить путь и избежать трудного подъема на острую вершину горы, мы обходили ее у подножия, которое омывалось спокойным морем [6, с. 92];

Чтобы избежать ее от тяжелого подъема по крутому склону, мы объезжаем мыс, подножье которого омывает широкая, спокойная волна [6, с. 182].

Изображение горных объектов может также создавать эффект панорамности:

<...> я видел простор, уходящие в небо сопки и сверкающий золотистый берег [6, с. 46];

11) 7 фрагментов, в которых реализуется когнитивный признак «духи, мифологические обитатели тайги» – этот компонент содержания концепта «тайга» оказался самым неожиданным.

Его наличие позволяет писателю показать тайгу как место, наполненное чем-то загадочным и таинственным, тем, что человеку неподвластно. С одной стороны, это вызывает чувство страха и тревоги, а с другой стороны, благоговение и восторг:

*Тебе хорошо и немного страшно, поскольку в сотне метров от озера начинается кедровая тайга: стройные кедры, устремленные в небо, стоят стеной, и оттуда всегда **тянет мраком и дремучей тишиной*** [6, с. 41];

*Он все глубже вел его в лес из **податливых, расступавшихся стеблей, в лес тишины и воды*** [6, с. 43];

*Все стало другим, только из тайги все так же тянуло тем же самым холодком, запахом трав и **чем-то таинственным**, а высоко в небе парили бакланы и альбатросы* [6, с. 178–179];

*Искать женьшень ночью в тайге, среди тигров и барсов, при свете огней над Пектусаном было, по моим детским ощущениям, **страшиновато**. Тот, кто этим занимался, был почти колдун или демон из сказок Марии Хабаги – ночной демон, который высасывал кровь из людей* [6, с. 204];

*С треском хвоста, подбрасываемого в огонь, и клубами дыма, поднимавшимися между деревьями, **словно привидение*** [6, с. 287];

*Он многократно повторял как **заклинание**: сперва Бог, потом ламаза, а потом – Владимир Клавдиевич. Такую формулу он для себя вывел. Ламаза – на втором месте, потому что Логайда был **родным сыном этой земли и тайги*** [6, с. 179].

Этот компонент реализуется и за счёт отсылок к мифологии коренных народов Приморья:

*Суйфун занимает значительное место **в легендах удэгейцев и местных корейцев*** [6, с. 212].

Таким образом, тайга в картине мира Салинского – это не только «полоса диких труднопроходимых хвойных лесов, занимающая громадное пространство на севере Европы, Азии и Северной Америки» [1, с. 1302]. Тайга Салинского – это пространство, наполненное множеством разных природных объектов (в том числе горных и водных), с большим разнообразием флоры и фауны. В тайге находится место и человеку, и мифологическим существам, которые придают ей загадочность и таинственность. Это место, без которого герой дальневосточной повести С.М. Салинского не мыслит своей жизни.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / под. ред. С.А. Кузнецова. М.: СПб: Норинт, 1998. 766 с.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 573 с.
3. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М.: Оникс, 2009. 1359 с.
4. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. 226 с.
5. Русская грамматика / под. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 788 с.
6. *Салинский С.М.* Птицы возвращаются в сны: повесть. Владивосток, 2015. 320 с.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / Ин-т лингвистич. исследований РАН; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 703 с.

8. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. М.: Альта-Принт [и др.], 2008. 1239 с.

References

1. The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language. Ed. by S.A. Kuznetsov. Moscow, St. Petersburg, Norint, 1998. 766 p. (In Russ.).
2. *Dal V.I.* Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: selected art. Moscow, OLMA Media Group, 2009. 573 p. (In Russ.).
3. *Ozhegov S.I.* Explanatory Dictionary of the Russian Language: about 100 000 words, terms and phraseological expressions. Ed. by L.I. Skvortsov. 26th ed., corr. and add. Moscow, Onyx Publ., 2009. 1359 p. (In Russ.).
4. *Popova Z.D., Sternin I.A.* Cognitive Linguistics. Moscow, AST: East–West, 2007. 226 p. (In Russ.).
5. Russian Grammar. Ed. by N.Y. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1980. 788 p. (In Russ.).
6. *Stalinsky S.M.* Birds Return to Dreams: a story. Vladivostok, 2015. 320 p. (In Russ.).
7. Dictionary of the Russian Language: In 4 vol. RAS, Institute of Linguistic Research. Ed. by A.P. Evgenieva. 4th ed., ster. Moscow, Russian Language; Polygraph Resources, 1999. 703 p. (In Russ.).
8. *Ushakov D.N.* A Large Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language: 180 000 words and phrases. Moscow, Alta-Print [et al.], 2008. 1239 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 19.01.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 07.02.2024

Принята к публикации / Accepted 29.02.2024